

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОП

В ЗАКОНЕ

**ВЕРНУТЬ
ОБЩАК**

ЭКМО

Расследования криминального репортера

Сергей Зверев
Вернуть общак

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Вернуть общак / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2013 — (Расследования криминального репортера)

Преступный мир облетела тревожная новость: полицейские провели обыск в доме авторитетного бандита по кличке Сом и изъяли у него восемьсот тысяч долларов – так называемый воровской общак. Сом был арестован, а деньги отправлены на хранение в банк. Представители криминального сообщества обвинили в случившемся вора в законе Пастора, благодаря которому в недавнем прошлом Сом смог получить должность хранителя общака. Ему дали семь дней на то, чтобы вернуть деньги. Иначе – смерть. Пастор поразмышлял денек над сложившейся ситуацией и пришел к выводу, что единственный способ достать восемьсот тысяч в течение недели – ограбить банк.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Зверев

Вернуть общак

Пролог

У областного театра музыкальной комедии припарковались несколько автомобилей. Ничего примечательного в них не было. Две «Тойоты» сейчас казались просто светлыми. В темноте определенный цвет не просматривался. Рядом с ними приткнулся «Паджеро», чуть потемней, скорее всего, серый. Люди вышли из машин и сгруппировались немного левее входа, в стороне. Они отошли, чтобы не мешать тем, кто пришел сюда не разговаривать у дверей, а на театральное представление. В музкомедии давали «Сильву».

– Ну, бродяги, что делать будем? – Человек, который вышел из джипа, улыбнулся и оглядел лица мужчин, стоявших рядом с ним. – Что такие хмурые, прямо как с перепоя?

Один из парней покрутил на пальце ключи, вздохнул и заявил:

– Ты, Пастор, не улыбайся. Смешного мало. В городе полный беспредел. Ты в курсе, что твой держатель общака его целиком мусорам сдал?

Тот, кого называли Пастором, побледнел так, что изменился в лице.

– Как... сдал?

– Что, не смешно больше? – Парень криво сощурился. – А вот так, сдал, да и все!

– Сам, что ли? – Пастор не мог прийти в себя.

– Почему это сам? – вмешался в разговор еще один пассажир «Тойоты». – На даче его оперативники схавали вместе со шлюхами, двенадцатью автоматами в подвале да всем общаком. Всем! Разве важно, сам или не сам?! Если тебе доверили казну держать, то нет никакой разницы, как ты ее просрал!

Один из парней, стоявших напротив, дернул веком и чуть повел плечом. Все знали, что это могло означать. Если Фермер начинает подергиваться в легких конвульсиях, значит, лучше отойти подальше, сохраняя здоровье и жизнь. Многочисленные сотрясения мозга, полученные в боях на профессиональном ринге, наложили на мотивацию поведения Ферментьева особый отпечаток. Если бы он сейчас был хоть чуть-чуть пьян, то людям, оказавшимся рядом с ним, вообще лучше было бы разбежаться, бросив машины. После бутылки пива он превращался в «универсального солдата» и начинал калечить всех, кого видел перед собой. Поэтому пил он мало, зная свои проблемы. Сейчас Фермер был абсолютно трезв, но участники разговора все равно чуть шатнулись назад. В любой момент мог последовать удар. Мастер спорта международного класса по боксу Ферментьев бил, не рассчитывая силы.

– Слушай, бравый парубок, ты что же, думаешь, мне очень нравится ездить на этой сраной «Тойоте» и держать «шестисотый» в гараже? Почему мы таримся как партизаны, чтобы лишний раз перед ментами не отсвечивать, а ты на «Паджеро» рассекаешь? Моднее меня? Где восемьсот тонн зеленых?!

Пастор уже понимал, что следующие дни не будут такими спокойными, как сегодняшней.

Он поднял голову и проговорил:

– Ты за базаром следи и масти не путай. Я тебе не фраер. Узнаю и разберусь.

– Ты узнаешь? Ты хер в штанах разыскать не можешь! В мусарне общак, понял! Узнает он... И в чем ты разберешься? На какие цели в ментовке наши бабки пошли?! Ну, купят они пять-шесть квартир в высотках улучшенной планировки для особо нуждающихся, а остальные деньги на что пойдут?! Сука! Этими нашими бабками они нас же давить и будут! Не понял? Вот сука тупая... – Фермер в ярости сплюнул под ноги.

Еще мгновение, и рука Пастора дернулась бы к поясу, на котором висела тяжелая «беретта». Пастор знал, что Фермер – тип совершенно безбашенный. Это качество воры прощали ему за верность делу. Но за такие слова, обращенные к себе, Пастор имел полное право пристрелить этого типа прямо сейчас. На любой сходке он был бы оправдан. Один вор не имеет права оскорблять другого ни при каких обстоятельствах. Решение может вынести только сходняк.

– Короче, Пастор, твой держатель сейчас на киче, поэтому отвечать, естественно, будешь ты! – жестко сказал парень с ключами. – Впрочем, ты и так отвечал бы. Даем тебе неделю, чтобы вернуть восемьсот тысяч. Плюс двести – за испуг. Если ты через семь суток не родишь лимон «зеленых», то... Ты и сам знаешь, что тебе за это будет. Твой держатель в СИЗО будет жить столько же, сколько ты на воле.

– Один черт замочите, – пробормотал Пастор и поднял тяжелый взгляд. – Только пугать не надо. Я за все отвечу.

Фермер шагнул к нему, но парень с ключами смело остановил его движение. Он знал Пастора так же хорошо, как и Фермера. Сейчас могла произойти драка либо пальба. В том и в другом случае на месте остались бы лежать трупы.

– Не трогай. Если сейчас его покалечишь, мы потом не будем иметь права что-то спрашивать с него. Через неделю будет видно.

Пастор отошел в сторону, пропустил мимо себя отъезжающие «Тойоты», такие же нервные, как и их хозяева, и медленно подошел к джипу. Он знал, что утрата общака никогда не прощается. Такой проступок карается только смертью. Если его держатель Сом был уже обречен, то у него самого оставался хоть и ничтожный, но шанс. Вернуть общак за неделю...

Миллион долларов!..

Год назад на сходке воров в законе Пастору уже давали пощечину. Бил его такой же вор, как и он сам, по решению сходняка. В компетентных органах такая пощечина называется предупреждением о неполном служебном соответствии. Следующим наказанием в тех же органах будет увольнение по нехорошей статье. Из воров «уволиться» можно только одним путем... Опускать Пастора, конечно, не будут. Во-первых, тут не зона, а во-вторых, негоже, чтобы пронеслась весть о том, что один из воров за проступки опущен. Дело не в снисхождении к Пастору, а в поддержании авторитета таких же воров, как он сам. Забьют палками как собаку, и все дела.

Пастор посмотрел на часы. Нужно было что-то делать. Через семь дней, ровно в девятнадцать часов двадцать минут, ему нужно будет возместить утерянное с лихвой либо готовиться к смерти. У ребят тоже часы есть. Мысли о том, чтобы бежать, у Пастора не возникало. Найдут везде. Даже под развалинами Манхэттена. Да и не в этом дело. Он все-таки вор!..

Пастор еще около часа сидел в джипе перед входом в театр, совершенно ни о чем не думая. Ему нужно было просто прийти в себя. Наконец он глубоко вздохнул, вспомнил о сигаретах, закурил и тронулся с места.

Глава 1

Витя Соха чуть не скончался от потрясения, когда узнал, что на даче Сома полиция подломила общак. В тот момент, когда он уже приготовился у себя в квартире встать под душ, прозвенел телефонный звонок. Витя изменил направление движения и с полотенцем через плечо подошел к телефону.

– Витенька, закажи еще шампанского и клубники, – ласково пропела чернокожая девица со спутанными волосами баклажанного цвета, лежащая на кровати. – Скажи, чтобы свежую привезли, а не как ночью...

– Пошла ты!.. – тихонько просипел Соха и поднял трубку. – Слушаю!

– Нет, – непонятно начал разговор Пастор. – Это я тебя слушаю. Где Сом?

– А я почему знаю? – растерянно пробормотал Витя. – Сегодня в пять вечера расстались, так я его больше и не видел.

– Вы, конечно, на даче Сома виделись? – резко спросил Пастор, но Сохе это не показалось удивительным.

Босс имел право пытаться любого из подчиненных, кого сочтет нужным. На то он и «глава семейства».

– Да, Пастор. Я от него в пять вечера уехал.

– Ну, ладно, пока. Сам узнаю. – В трубке раздались короткие гудки.

«Чего это он под вечер забегал?» – подумал Соха, хмыкнул и направился в ванную.

– Витя, но я же просила!.. – плаксиво запищала негритянка.

– Да будет тебе малина, будет! – После сеанса сексотерапии вся ласка бандита испарилась, на ее место пришли мысли о том, как бы побыстрее избавиться от надоедливой девки.

– Не малина, а клубника! – обиженно возразила та.

– И клубника тоже. Все тебе сейчас будет...

Дойти до ванной снова помешал звонок. Теперь уже в дверь. После телефонного разговора прошло всего пять секунд.

– Мать их!.. – разозлился Соха. – Я помоюсь сегодня или нет?!

Он подошел к двери и нервно защелкал замками. Прийти мог только близкий человек. Охрана в вестибюле высотного дома была информирована, работала так же четко, как устройство «свой – чужой» на зенитном комплексе. «Сбить» она могла только чужого. Поэтому Соха и не спросил, кто там. Он просто открыл дверь.

Перед ним стоял Пастор, сжимая в правой руке сотовый телефон. Он был левша, и это многих подводило.

– Странно, правда? – спокойно спросил Пастор и без размаха, хорошо поставленным ударом в лоб внес Соха в коридор.

Тот сшиб подставку с вазой, подделкой под произведение китайского искусства десятого века, распластался на полу и еще несколько метров шлифовал спиной паркет. Когда грохот осколков стих, Пастор так и стоял над ним. Он никуда не исчез. Это было не видение. Все оказалось правдой: ноющая боль в голове, сквозняк из приоткрытой входной двери. Но, самое главное, реальной была фигура Пастора, облаченная в кожаную куртку, на которой застыли капли дождя.

– Ты чего?! – взревел от возмущения Соха, глядя, как босс закрывает дверь.

Девица вскочила и судорожными движениями, не сводя глаз с незнакомого мужика, стала собирать одежду, разбросанную по всей комнате. Несмотря на то, что бюстгальтер висел на кресле, а платье лежало на шифоньере, она управилась за несколько секунд и выскочила из комнаты. Барышня увидела своего кавалера, поднимающегося с пола, тоненько взвизгнула и

с охапкой одежды в руках выскочила из квартиры. Клубники в октябре не бывает. Она уже отошла.

– Садись, террорист сексуальный! – приказал Пастор Сохе и хлопнул по кровати напротив себя. – Спецоперация войск Северного альянса по тебе плачет. Разговоры разговаривать будем.

Витя запахнул полы халата и осторожно, словно находился не в своей квартире, а в кабинете Пастора, сел на краешек широкой постели. Задавать вопросы шефу сейчас не стоило. Голова гудела, как колодец, в который ухнул филин. Босс не спеша закурил и выпустил дым снизу вверх, целясь в люстру.

Соха молчал, прокручивая в голове возможные косяки. Пастор просто так поднимать руку на своих людей ни за что не станет, поэтому случай можно назвать исключительным. Значит, произошло нечто, из-за чего испорчена жизнь Пастора.

– Ты знаешь, Витя, где сейчас находится Сом? – во второй раз за последние две минуты спросил Пастор.

– Я же тебе сказал, что мы расстались в пять часов. Где он сейчас – понятия не имею.

– Тогда я тебе скажу. Сом сейчас сидит в изоляторе временного содержания. Его туда засунули ребята из оперативно-розыскной части.

У Сохи от ужаса уши отъехали назад, прямо как у немецкой овчарки, и почти совсем скрылись за головой.

– За что?.. – прошептал он не своим голосом.

– Голым на коне по площади Ленина проскакал. – Пастор высмотрел пепельницу на прикроватной тумбочке, потянул ее к себе и вдруг взорвался: – За общак наш! За двенадцать стволов, что там хранились! Сейчас все это у ментов!

Соха встал, на слабеющих ногах прошел к бару, вынул бутылку водки, закрутил ее штопором и приложился к ней как юный пионер – к горну.

Он влил в себя около половины содержимого бутылки, оторвался от нее и прошипел:

– Может, ошибка?..

– Нет, Витя, не ошибка. Мне сейчас Тимур с Фермером стрелу забили, на ней все и поведали. Быстрее меня все узнали! Я через своих в изоляторе проверил – все точно! Сидит Сом! Вы с ним марафетом мазались?! – Пастор понял, что так оно и было, и окончательно пришел в ярость. – Твою мать, нарки позорные! Я сколько раз говорил, чтобы не смели к этой пакости прикасаться?! Что сейчас получается?! Держатель общака сидит напротив оперов в глубоком кумаре! Что он им там наплести может по голубой воде, а?! Наркоша, отвечай!

Соха стоял с бутылкой в руке. После водки голова у него начала проясняться, в нее стали проникать осмысленные понятия. Чем глубже они забирались, тем яснее он понимал кошмар происходящего.

За этими размышлениями его застал совершенно спокойный голос Пастора:

– Говорил мне старый вор, мол, никогда никому не прокладывай дорогу и никогда никому не верь. Помнишь, Соха, как я тебя уберег в зоне под Новосибирском, в Горном? Что с тобой тогда стало бы, если бы меня не отправили туда смотрящим? Ты бы сейчас в лучшем случае по квартирам шустрил, а в худшем – посадили бы тебя на перо еще там. – Пастор устало раздавил окурок в пепельнице и поставил ее на тумбочку. – И что ты теперь вытворяешь? Это, как я понимаю, в благодарность мне, да?

– Пастор!..

– Заткнись, – так же устало перебил его вор. – А ты помнишь мой позор, когда на сходняке мне леща вломили? Помнишь?! Я этого никогда не забуду, до самой смерти! А за что?! За то, что я перед мусорами очко пронес?! Нет! За то, что из общака филки крысил? Нет! Из-за меня кто-то из братвы за колючку угрелся? Нет! Так за что же мне, вору, горя хлебнуть пришлось, а?! За Сому! За связь его с чурками в Питере! А кто, собственно говоря, вообще

этот Сом? Гена Сомов, с которым до того, как я его под себя взял, и разговаривать-то никто не хотел! Фук! А ведь он передо мной на коленях стоял, клялся в верности. Вот я и поверил – парень с марафетом завязал, счет деньгам ведет, честь мою блюдет. Год, сука, протянул! Год всего! Расслабился после Омского СИЗО. Живешь ты тут как папуас. С негритяжкой под пальмами спишь. Может, ты уже джаз на саксофоне лабаешь да мячи в корзину мечешь? Сука, сослать тебя, в натуре, в Эфиопию куда-нибудь! В экзотик-тур, с тремя баксами в кармане. Чтобы ты через три моря баттерфляем обратно плыл. Тогда узнаете, как кусок хлеба достается да что такое по роже на сходянке получать!

Соха, услышав «узнаете» во множественном числе, немного воспрянул духом. Значит, босс считает его невиновным в захвате операми общака! Это уже хорошо. Значит, Пастор скоро отойдет, и можно будет спокойно начать решать вопрос по возврату денег.

Он обнадеживающе промычал:

– Мы вернем деньги, Пастор.

– Дурак ты! – рявкнул вор. – Деньги-то я, может, и найду, а что Сом операм петь будет за стволы да за общак? Менты сейчас отмечают такой праздничек, какой им и не снился. Еще бы – экономически подломили воровское сообщество! Да автоматов две телеги! Да смотрящий в камере! Сом думает, что они на этом успокоятся? Обрадовался, идиот! Они сейчас начнут и себя, и братву наизнанку выворачивать! Изъять воровской общак! Такое у них раз в несколько лет происходит. Речь идет не об общаках в десять тысяч... Если сейчас братва ему и нам кишки не выпустит, то доблестная полиция это точно сделает. Теперь понял, Соха?

– Пастор, ну, не впервой же. Выкрутимся.

– Оптимист! – Вор усмехнулся, обнажая золотую коронку. – Мне теперь все равно, что дальше будет! Понял? Бабки нужно найти да братве вернуть! А потом... – Вор махнул рукой. – Потом со мной пусть или они, или мусора разбираются! Смерти не боюсь, мне позор страшен! Ты понял это?! Я вор, Соха! Ты понял, мать твою?! Я – вор в законе! Если я общак не верну, то сам себе кишки выпущу! За то, что людей подвел и таких дятлов, как вы, к себе приблизил.

– Мы найдем бабки, Пастор, – твердо заявил Соха.

Тот посмотрел на небритое, помятое лицо подчиненного и вдруг рассмеялся.

– Крутизна, блин!.. Смотреть на тебя страшно! Страшно и больно. А общак... – Он хитро улыбнулся и вытащил из пачки «Мальборо» сигарету. – А общак я обязательно верну. Потому что, если я его не найду к двадцать первому числу, то я сначала тебя пристрелю, следом Сома в хате по моей просьбе удавят, а уж потом я сам застрелюсь. Это тебе перспектива и стимул на ближайшие семь дней. Оптимист!.. Это хорошо, что ты так настроен.

В это же самое время в одной из квартир города происходила другая встреча. От первой она отличалась тем, что была менее эмоциональна и вопросы на ней решались конструктивнее. Помимо Тимура и Фермера в ней участвовали еще двое приезжих: Марат Салех из Кузбасса и Миша Горец с Алтая. Само по себе присутствие двух последних означало то, что событие, приключившееся на даче Сома, вылезло за пределы города, как пук конских волос из боксерской перчатки. Такую рану нужно было срочно штопать. Уже потом будет видно, что делать с самой перчаткой.

Известие о том, что Пастор спустил общак, пройдет на федеральном уровне через несколько часов, а пока эти четверо сидели и обсуждали возможные пути решения проблемы. Само по себе исчезновение восьмисот тысяч долларов – не бог весть какая потеря, если рассмотреть проблему оптимистически. Сложность ситуации заключалась в другом. За решеткой, в руках оперативников в данный момент находился человек, заведующий бухгалтерией и всеми прочими делами клана.

Сходка доверила Сому общак, но теперь у ее участников возникло сомнение в том, что тот будет молчать так же надежно, как одноименная рыба. Сома короновали год назад, в

Омском центре, и сделали это Юрист и Посох. Ставить под сомнение правильность их решения никто не собирался по той простой причине, что это не принято и чревато. Юрист и Посох были признанными авторитетами в криминальном мире. Если они решили крестить Сому в Омске, значит, у них имелись на то веские основания.

Именно тогда Пастор и выступил как инициатор передачи общаковских дел Сому. Этому мгновенно воспротивились Тимур и Фермер, у которых были свои интересы на сей счет. Они знали, что Сом хоть и коронован, но всегда останется человеком Пастора, который спас его от неминуемой смерти в зоне под Салехардом много лет назад. Таким образом, если Сом становится смотрящим за общаком, то Пастор автоматически приобретает вес и поднимался и над Тимуром, и над Фермером.

Теперь, год спустя, произошло то, чего так долго втайне желали Фермер и Тимур. Пастор попал, причем так четко и намертво, что первые двое об этом не могли даже мечтать.

Первый ход Тимура и Фермера оказался просто гениальным. В Питере, через подставных лиц, они вышли на самых банальных кидал из закавказской республики. Азербайджанцы занимались мошенничеством в Москве. Они покупали товары народного потребления в крупных фирмах, представляясь руководителями международной миротворческой миссии «Помощь чеченскому народу». Получив товар, эти ребята исчезали, не расплачиваясь. Все бы ничего, да только за подобную предпринимательскую деятельность нужно вносить взнос в общак.

Азербайджанцы знали об этом. Впоследствии, просидев семь суток в подвале дома Сабдура Бакинського, они сознались, что им было известно такое правило. Бизнесмены решили о нем забыть, но этот номер у них не прошел. Ребята отдали азербайджанскому сообществу все денежные средства, заработанные непосильным трудом, и, к великой своей радости, умчались обезжиривать следующий мегаполис, коим и стал город на Неве.

Там они проработали еще меньше. Фермер с Тимуром выкупили их у питерской братвы за небольшую сумму, под обязательство азербайджанцев немного честно потрудиться. Сделать это им пришлось всего один раз, после чего их след на территории Российской Федерации навсегда был утерян родными и близкими.

Зато Сом подъехал с предложениями к Пастору. Есть, мол, возможность увеличить фонды за счет небольшой сделки с оловом.

– Какая-то фирма в Питере купила олово, а сейчас не может за него рассчитаться. Продает за бесценок, а у меня есть канал, по которому можно направить олово в Прибалтику. Там очень хорошо за него платят.

– Работай, – согласился Пастор, в обязанности которого также входило пополнение общака.

И Сом сработал... Он бы, уже потом, конечно, из-под земли достал этих азербайджанцев, да только под землей их не было. Они были под водой. Если точнее, то под водами Балтийского моря, с двухпудовыми атлетическими гирями, привязанными к ногам. Естественно, найти их там никто не смог, и деньги в кассу не вернулись. Именно за это тогда Пастор и получил на сходянке пощечину. Доказать, что он обобрал своих, никто не смог, но и Пастор не сумел объяснить толком, где деньги.

Это была первая победа Фермера и Тимура, слегка пошатнувшая положение Пастора. Но на то, что может приключиться такое, что произошло на даче у Сомы, они не надеялись даже в своих сокровенных мыслях. Самое интересное заключалось в том, что даже им было непонятно, как они будут делить власть, случись то, чего они добивались, – падение Пастора. Фермер об этом не задумывался по причине многочисленных сотрясений. Он просто ненавидел Пастора и смотреть вдаль не мог. Этому мешала природная его тупость. Фермер жил одним днем, одним ударом. Тимур же все прекрасно понимал, и Ферментьев не был ему преградой. Воры уважают свои законы. Когда кто-то начинает беспредельничать, они долго не думают.

Для второго и последнего удара воры пригласили на встречу двух авторитетов из Кузбасса и Алтая. Будет потом на кого сослаться. Пусть сходняк видит – не власти ради, а для пользы воровского дела Фермер с Тимуром ополчились против Пастора. В любом случае, будет кому потом замолвить за них словцо.

В выборе участников судилища Тимур также не прогадал. Салех и Миша Горец были не самыми лучшими друзьями Пастора. Не раз на сходках он тыкал их носом за «отклонение от генеральной линии партии» и личный интерес. Если вор объявит другого вора крысой и не сможет этого доказать, то «объявленный» имеет полное право решить его жизнь. Это же относилось и к другим претензиям.

Но Пастор делал это так, что было непонятно – предъявлял он или спрашивал. Мобильный, умный от природы, заматеревший в жизненных невзгодах, Пастор отличался от всех неповторимым интеллектом. Он умел всегда оставаться спокойным и собранным. Понятно, что это очень не нравилось тем, кого природа не одарила подобными качествами.

Салех и Горец откликнулись сразу и уже через два часа были в городе. Звонок Тимура застал их в ресторане соседнего поселка, куда авторитеты ездили на встречу с представителем высоких властей. В поселок прибыл радушный оратор из Государственной думы. Салех и Горец не могли не воспользоваться такой возможностью. Их поездка прошла успешно. Они сидели в ресторане, дело близилось к «субботнику» с девицами, когда их предвкушения перебил звонок Тимура.

– Дела!.. – как в апельсиновой рекламе, заявил Салех местным проституткам, уже готовым к активной трудовой деятельности.

Коллеги встряхнулись и помчались с охраной в город, где правил серым генералом вор по прозвищу Пастор.

– Дальше уже некуда, – молвил Тимур. – Сначала эта мура с Питером, сейчас вообще полный атас! Общак накрылся! Скоро он весь город мусорам сдаст, а потом и нас с тобой. За такие дела можем и мы прицепом пойти. Лично мне оплеухи получать от братвы немоготу. Он творит, что хочет, Сома своего расслабил до того, что тот каждый день, как ни вызвони его, обкумаренный до талого...

Это было, конечно, не так, но кто теперь Пастору верить будет, когда смотрящий за решкой, а общака нет!

– Все стволы ушли, – добавил, сжимая кулаки, Фермер. – Нам осталось свои белые трусы снять, на палку их нацепить и, помахивая, к мусорам в плен идти. Разве я не прав? Общака нет, стволов нет, осталось только, чтобы молодые отморозки пришли и нас с Тимуром на счетчик поставили! К этому все и идет! От ментов покоя нет, братва в зонах голодает, суки администраторские их там на ножи ставят! Мы чем пацанов в колониях греть будем? Сколько адвокаты стоят? В кассе – ноль! Черные в город заявятся – отбиться, блин, нечем будет!

Тимур поморщился. Нельзя давить слезу за свою беспомощность! Им сейчас не материальная поддержка нужна, а моральная! Какого хрена эта бестолочь жалуется как сука кобелю?! Какой ты вор, если с беспределом на своей же территории совладать не можешь? Эх, чудила контуженый!..

По тому, как Салех и Горец недовольно поморщились, было видно, что Тимур прочитал их мысли. Фермер же воспринял это как поддержку своих слов.

– Банки стали задницу морщить – мол, мы с Пастором базарим, а с вами не будем! Что за дела?!

Это было уже слишком.

Едва Фермер открыл рот, чтобы огласить еще одно подтверждение своей тупости и беспомощности, Тимур опередил его:

– Братва, мы вот зачем вас отзвонили. Беда не в том, что здесь происходит. Со всеми делами справиться легко, если, конечно, речь не идет о переселении душ. Вопрос в том, почему это происходит. Пастор подобрал под себя общак, и не всем нравится, как он ведет дела.

– Пастор самолично управляет общаком? – Салех удивленно вскинул брови.

– Да. Теперь ты сам можешь убедиться в том, что происходит, когда все скапливается в одних руках, – ответил Тимур, намекая на происшествие на даче.

– А почему на сходняках вы молчали как рыба об лед? – вклинился в разговор Горец. – Там все равны. И раньше вы вроде тоже в колокола не били. Странно, что вы подняли эту тему только тогда, когда пропал общак и Пастор угодил в жир ногами.

Все замолчали. Тимур был доволен разговором. Главное, чего он добивался, вызывая воров, состояло в передаче им информации о положении дел в городе. Теперь, если с Пастором что-нибудь случится, у него будет оправдание. Хотя Тимур знал, что устранение вора без согласия всех – мероприятие, чреватое суровыми последствиями. За такую самостоятельность могут самому лоб зеленкой намазать. Его сейчас мало интересовало – вернет Пастор общак или нет. Пусть даже он сумеет найти деньги. Ему уже не вернуть основного – прошлого. А с таким настоящим, в котором сейчас пребывал Пастор, ему ловить нечего. «Все прошло, как с белых яблонь дым».

Воры еще около двух часов сидели и обсуждали всевозможные темы – от подбора под себя расширяющегося бизнеса маршрутных такси до обмена информацией о российских воровских делах. Около двух часов ночи они сказали друг другу «не прощаемся» и разъехались по своим насиженным местам. Перед этим участники сходки не обменялись рукопожатием. Такова была привычка, выработанная годами.

Напоследок Салех обернулся и сказал Тимуру:

– Только не советую в течение этой недели делать что-то такое, о чем потом придется пожалеть.

Тимур понял его, Фермер – нет. Пришлось потом объяснить.

Глава 2

Когда Пастор приказал Сохе собрать дюжину своих вооруженных ребят, тот помертвел. Ему было совершенно ясно, что Пастор сошел с ума, если решил брать штурмом банк. Понятно, что времени, отведенного братвой на возврат общака, становится все меньше и меньше, но нельзя же впадать в такие крайности!

Можно, в конце концов, договориться с президентом того же банка «Аспект». Чудный малый. Надо объяснить ему, что деньги нужны для оказания помощи США в поимке ублюдка Бен Ладена. Мол, всемирное братское сообщество решило включиться в борьбу с беспределом, то есть терроризмом. Вскоре братва обязательно отловит этого злюку исламиста. За него будет получен со Штатов гонорар в пять «арбузов» баксов, плюс проценты за риск и расходы на перелет Воркута – Исламабад. Дальше пешком, поэтому плюс расходы на верблюдов. Потом бабки сразу вернутся в банк с недурными процентами.

На худой конец, можно было опустить до разорения пару-тройку турфирм. Оправдание всегда найдется. Но чтобы идти на банк штурмом? Соха собирал людей и чувствовал, как с ладоней на землю капает пот.

Но когда он узнал, что именно будут брать штурмом Пастор, он сам и дюжина ребят, то чуть не потерял сознание. Воры – они тоже люди, им свойственны, как и другим, и обмороки, и оргазмы. Вечером субботнего дня Пастор решил... отбивать из охраняемой машины оперативно-розыскной части общак, отобранный накануне.

– Ну что же, – просипел Соха, обдумывая, какая роль уделена ему в этом мероприятии. – Дело хорошее. Перспективное, главное. Стопроцентное. Если не согласятся добром отдать – начнем пугать. Если что, еще можно будет и ихний СОБР на счетчик поставить...

– Заткнись, – спокойно перебил его Пастор. – Мой человек сообщил, что сегодня вечером деньги под охраной повезут в муниципальный банк. Бронированный «Форд» – и все. Менты решили не отсвечивать. Охраны будет пять человек из СОБРа, плюс водитель и опер. Деньги повезут в девять вечера, чтобы не было подозрений. Банки в это время уже не работают, поэтому они тихо отгрузятся и уедут. При деньгах останутся люди из СОБРа. Банк, как обычно, возьмут на пульт вневедомственной охраны.

– Пастор, подожди, – взмолился Соха. – Но ведь есть еще много мест, где нет СОБРа, сигналки, банка. Вымутим потихоньку миллион зеленых у кого-нибудь да вернем в общак. Ну, на хера на эшафот идти?!

– Ты не понял, – жестко, словно отрезал, ответил вор, и Соха увидел, как в его глазах блеснул стальной огонь.

Ему нужны эти деньги. Именно эти. И никакие другие. Совать рыло в воровской общак не положено никому, даже им. Общак – это святое. Во всяком случае, для Пастора.

Соха сглотнул слюну и неожиданно для самого себя выдавил:

– Если что, там можно будет еще чем-нибудь похарчеваться.

– Не «можно», а нужно. Или ты сумеешь из своего кармана еще двести тысяч вытащить и добавить к тем восьмистам тоннам? А вообще молодец! – похвалил, усмехаясь, Пастор. – Сообразительный.

– Пастор!.. – немного подумав, промолвил Соха. – А ведь ты вор.

– За общак и кровь можно на себя взять, – мгновенно ответил босс, стоявший к нему спиной. – Ты лучше думай, как нам в банк попасть до закрытия. Я не собираюсь ночью взятие Бастилии устраивать. Длительная осада мне тоже как-то не подходит.

– А зачем попу гармонь?

Пастор, который до этого стоял, опершись на подоконник, и смотрел в окно, развернулся и озабоченно посмотрел на подчиненного.

- Что, заменевался так, что шифер посыпался? – поинтересовался он
- Да я не гоню, Сергей.

Пастор, которого Соха назвал по имени во второй раз за пять лет, удивленно достал сигарету и сел в кресло.

– Зачем нам кровь и пацаны с вольнами? Ты ведь взаправдашний вор, а не понтовый. Тебе, босс, положено квалификацию поддерживать. – Соха взял трубку радиотелефона. – Я звоню Бедуину, чтобы тот братве отбой дал?

Что-то новое, живое, мелькнувшее в загоревшихся глазах Сохи, заставило вора кивнуть в знак согласия. Пока его «правая рука» названивал и говорил что-то типа «короче, погода нелетная, сидите, в натуре, под зонтиками и бейте сопли о паркет», он вспомнил того, еще молодого Сохина, с которым познакомился пять лет назад.

Получилось так, что свою первую ходку за «тайное хищение государственного имущества в крупных размерах» Овчарову пришлось отбывать в одном из воркутинских лагерей в далеком восьмьдесят четвертом году. Потом было еще две отсидки, и все – за кражи. Пастор вышел на свободу и по решению сходяка был коронован. Произошло это в декабре девяносто третьего года.

Говорят, воры долго не живут. Это так. Но некоторым просто везет, либо они достаточно умны и способны избежать смерти в «Мерседесе» от взрыва тротиловой шашки под сиденьем. Как бы то ни было, на зону строгого режима в Горном Пастор попал уже смотрящим.

Спустя несколько лет к нему, лежащему на кровати и читающему книгу, подошел один из контролеров и сообщил:

- Баклана к нам везут. Некто Сохин. Устроил дебош в новосибирском СИЗО.

Пастор, который информацию подобного характера имел всегда на сутки, а то и на неделю раньше сотрудников колонии, бросил окурочек в банку из-под кофе, к которой тут же подскочил один из эков, сидевших неподалеку.

Смотрящий перевернул страницу и заявил:

– Пусть едет парень. А вашим быкам тюремным за их беспредел нужно было не нос сломать да руку вывернуть, а тыквы с плеч посшибать. Негоже порядочного пацана к петухам в хату пытаться заталкивать.

Сигарета была потушена эком, импровизированная пепельница снова сияла чистотой. Контролер проследил, как зэк бесшумно поставил ее на место, подождал, пока тот снова сел через четыре кровати от смотрящего, и продолжил разговор:

- Но срок, похоже, ему все равно наматывают. За сопротивление сотрудникам изолятора.
- Иди, старина, служи дальше. – Пастор улыбнулся и вернулся к книге.

«Некоего Сохина» конвой доставил, как и положено, после обеда. Помня о его подвигах в СИЗО города Новосибирска, охранники на всякий случай отходили бедолагу палками. Делалось это незаметно для административных работников колонии и для эков. Так выглядит самый настоящий беспредел. Отделали Сохина хорошо, но он молча сжимал зубы и терпел боль. Пастор решил вопрос так, чтобы Соху – такое погоняло носил парень – поселили поближе к нему.

Первые две недели Пастор, казалось, не выказывал к Сохе никакого любопытства. Тот будто вообще его не интересовал. Тянет лямку зэк, ну и ладно. На самом деле это было далеко не так. Пастор контролировал через своих приближенных каждый его шаг: о чем разговаривает, с кем общается, интересы и отношения с администрацией.

Через две недели, убедившись в том, что парень не идет ни на какие компромиссы с администрацией колонии, не приближается к среде зоновского шлага – так называют в колониях опущенных и деморализованных эков, Пастор решил действовать. Двое его людей завязали в бараке драку. Вскоре к ним присоединились несколько человек. Постепенно очаг столкнове-

ния передвигался к тому месту, где находился Соха. Пастор, не заходя внутрь, стоял, оставаясь незамеченным, и наблюдал за ним, исподлобья ловя каждый его взгляд, любое движение.

Вскоре свалка стала напоминать побоище, и кто-то крикнул:

– Крыша съехала? Пастор рядом! Не гневите, братва!..

Соха молча сидел на кровати и словно не замечал того, как рядом с ним рассекали воздух руки и ноги.

– А ты чего замер?! – взревел один из людей Пастора, на секунду отвлекаясь от потасовки. – Помочь не хочешь?!

– Это не мое дело, – спокойно бросил Соха и полез в тумбочку за сигаретами.

– Ах, не твое?! – изумился зэк. – Может, ты – ссученный, а, голубь?!

Пастор с удовлетворением наблюдал, как зэк, пару недель назад прибывший в зону, встал и изо всех сил ударил обидчика по лицу. Тот перевернул тумбочку, отлетел в угол и снова вскочил на ноги. В его глазах сверкнул задорный огонек, и посланец Пастора налетел на Соху как тигр. Их силы были явно неравны. Человек смотрящего оказался тяжелее килограммов на двадцать и совершенно очевидно отличался от соперника умением работать в замкнутом пространстве.

Пастор еще минуту созерцал, как Соха падает, встает, идет на противника, снова падает, снова встает...

Овчаров, окруженный своими охранниками, сделал шаг в помещение и спокойно произнес:

– Стоять.

Драка моментально утихла, словно ее и не было. О том, что здесь еще секунду назад шел настоящий рукопашный бой, говорили лишь капли крови на полу и лицах заключенных да беспорядок в помещении. Соха поднялся с пола, утер рукавом клифта кровь, ручьем льющуюся из носа и рассеченной брови. Он казался совершенно спокойным. Лишь прерывистое дыхание говорило о том, что его здоровью нанесен довольно значительный ущерб.

– По какому такому случаю кровь плещется? – Пастор, как и всегда, вынул из кармана «Мальборо», закурил и любопытствовал: – Эй, бродяга, не рано ли решил права качать?

Последний вопрос адресовался Сохе. Было видно, что тому пришлось совсем не сладко. Когда он убрал от лица руку – негоже стоять перед вором и при нем вытирать сопли как младенец! – стало ясно, что вдобавок ко всему у него еще рассечена губа.

Но Соха невозмутимо ответил:

– Моя честь со мной, Пастор. А чужого мне не нужно.

Овчаров хмыкнул, повернулся к охране и распорядился:

– Пусть идет в лазарет. Вечером чтобы был у меня.

В конце дня состоялся тот самый разговор, после которого Соха все оставшиеся пять лет тянул при Пасторе. Люди смотрящего заставили парня скинуть робу, вынули все из карманов и подвели к вору только в майке и брюках.

– Садись. Почему в драку сразу не полез, когда тебя просили?

– Это не мое дело.

Соха ответил осторожно, но спокойно, присел на стул у кровати Овчарова и сразу записал в свой актив первый плюс. Никто не вправе вмешиваться в драку, когда кто-то выясняет между собой отношения.

– А почему полез?

– Потому что это стало моим делом.

Сохин заработал второй балл. Ни в коем случае нельзя никому прощать обиды. Пусть даже ты и уверен в том, что при ответном ударе можешь потерять жизнь.

Пастор подумал и предложил:

– Возьми сигарету.

Соха заколебался. Пачка лежала на тумбочке, но...

– Бери, бери, – ободрил его Пастор.

Никто не вправе прикасаться к вещи вора. Можно что-то взять, если вор сам тебе дает из рук.

Соха сидел и не двигался.

Овчаров выждал некоторое время, потом резко наклонился, вытянул из пачки сигарету и протянул зэку. Тот сразу взял ее, получил разрешение прикурить и вспомнил, что спички у него забрали вместе с курткой. Не сделать этого он не мог – ему приказали прикурить.

– Спичек нет? – удивился Пастор. – Корень!

Зэк, сидящий неподалеку, тут же бросил в сторону Сохи спичечный коробок. Тот на лету поймал его, полностью раздвинул, проверил содержимое, убедился в том, что ничего кроме спичек в нем нет, закурил и бросил коробок хозяину.

У любого нормального человека, не сведущего в порядках и правилах поведения заключенного в зоне, этот факт вызвал бы удивление. Тот человек, которому дали спички, сначала почему-то проверил содержимое коробка, а потом уже прикурил! У тех же, кто живет тюремной жизнью, эта манипуляция Сохи могла вызвать только уважение. Так на зоне иной раз просто ни за что превращают человека в отребье. Если бы сейчас Соха, как и всякий обычный курильщик, просто вытянул спичку, то Корень, подавший ему коробок и получивший его обратно, тут же предъявил бы ему пропажу ста рублей, лежавших там.

Соху уже ничто не спасло бы. Все, кто сидел в этот момент рядом, заявили бы, что не обращали внимания на то, что именно он вытаскивал из коробка. Так вот запросто на него повесили бы долг. Когда подошел бы срок расплаты и парень не смог бы его вернуть, он тут же был бы объявлен фуфлыжником. С этого момента каждый, кто находился в зоне, имел бы право делать с Сохой все, что сочтет нужным. Он стал бы настоящим изгоем. Зоновские правила просты, но жестоки. Не стоит попадать в неволю человеку, который с ними не знаком. Там с ним может произойти самое страшное.

С той поры прошло пять лет. Соха освободился через три месяца после Пастора и разыскал его в Смоленске. Вот уже целых пять лет он находился при Овчарове, будучи его верным помощником. За весь этот срок он ни разу не подвел своего босса и понимал, что случай на даче вряд ли отвратит Пастора от него. Совершенно очевидно, что Соха не имел никакого отношения к захвату полицией воровского общака. Его вина лишь в том, что в тот день он находился у Сома.

Пастор также понимал, что если бы даже Сохи там не было, то вряд ли это могло остановить сотрудников оперативно-розыскной части. Дачу смотрящего вывернули наизнанку не по причине недавнего нахождения там Сохи, а по четкой информации, полученной со стороны.

– Кто же эта сука?

– Что, Пастор? – спросил Соха, укладывая радиотелефон в гнездо базы. – Что ты сказал?

– Ничего. А теперь выкладывай, что ты там после полбутылки водяры у себя в голове намутил. Соха, ты сейчас с моего согласия дал отбой братве. Если ты будешь молоть шнягу, то я тебя самолично прибью гвоздями-двухсотками к дверям банка. Уже восьмой час вечера. Деньги в банк привезут в девять. Пока кассир, который там останется после закрытия, пересчитает их, примет, будет десять. Часа ему хватит, чтобы переслюнявить на счетной машинке восемьдесят пачек. А потом нужно действовать. Рассказывай!..

Пастор устало откинулся в кресле, сцепил пальцы и пронзительным взглядом уставился на Соху. Тот хорошо помнил эту манеру босса еще с зоны в Горном. За пять лет она ничуть не изменилась.

– Пастор, ты сказал, что банк заканчивает работу в пять. Так?

– Верно. – Тот прищурился и заметил, как в глазах Сохи заиграл бесовский огонек.

Этот огонек вор тоже хорошо помнил. Вместе с его появлением в голове Сохи зарождались все авантюры, практически беспроектные.

– Какой сегодня день недели, Пастор?

– Суббота. – Вор очень хорошо это знал.

Эту субботу он запомнит на всю жизнь. Потому что она остановилась именно сегодня, и еще неизвестно, когда вернется к нему. Глядя на Соху, продолжающего хранить молчание, Пастор внезапно побледнел. Его левое веко с едва заметным тонким шрамом слегка дернулось.

– Ах он, сучонок!..

– Правильно, Пастор, – удовлетворенно заметил Соха, поняв, что патрон догадался. – В субботу банки не работают. Что тебе еще пел твой человек из мусарни? О бронированном «Форде» да о пяти человеках охраны? Иди, Пастор, на святое дело – общак отбивать у ментов, да? Конечно, бухгалтер уже на киче, теперь неплохо было бы еще вора к рукам прибрать. Тогда в колоде будут все тузы.

Пастор понял, что еще два часа, каких-то жалких сто двадцать минут, и его участь была бы решена. Вряд ли опера стали бы брать вора живым. Он им не нужен. После смерти Пастора ментам будет легче разговорить людей из его команды. Всех, конечно, не раскрутят, там один Сом чего стоит, но дело рухнет. Это точно.

Придавливая в себе благодарность к Сохе, Пастор уже куда мягче спросил:

– Так что там по твоему плану?

– Ничего.

– Что значит – ничего?! – изумился Пастор. – А план?!

– Нет у меня никакого плана, – коротко ответил Соха. – Мне тебя остановить нужно было.

– Ах ты щучий сын!.. Ну, молодец, остановил. Спасибо тебе. Только легче мне от этого не стало. – Пастор задумался.

Семь бед, один ответ. Пусть Соха звонит Бедуину да пошлет кого-нибудь побашковитее к банку. Там все нужно оглядеть. Может, это и ментовские штучки, но бабки-то им в самом деле требуется куда-то девать! Не будут же они восемьсот штук зеленых в сейфе у своего следака держать! Им сейчас от денег избавиться нужно. Факт зарегистрирован, бумажки подшиты. Зачем им такая ответственность? А если у кого-нибудь из пострадавших случится помутнение рассудка? Вдруг он решится атаковать банк? На кой ляд им эта бодяга? Ясно одно: деньги они вывезут в любом случае. Скорее всего – в тот же самый банк. Только условия игры будут другими.

– Только я не понимаю, зачем мой человек дал такую информацию. Неужто он думал, будто я не знаю, что в субботу банки не работают?

Соха тихонько кашлянул.

– Ну, конечно, конечно, – повысил голос Пастор. – Что-то я мог упустить.

Если не сейчас, то через полчаса он все равно догадался бы о проколе с выходным днем. На это, скорее всего, его человек и надеялся. Значит, Пастор под контролем. Так что повезут они общак в банк, никуда не денутся! Это будет выглядеть так: чемоданчик выгрузят у черного хода при президенте или его заместителе, внутрь занесут, а считать ничего не будут. Чтобы взять деньги на баланс, одной счетной машинки мало. Тут вся система должна работать. Для этого штат банка в девять вечера в субботу никто дергать не станет. Вот поэтому они чемоданчик поставят, выйдут и организуют охрану извне.

– И еще, Соха, один важный момент...

– Какой?

– Общак находится в банке. Гадом буду. Он там уже давно. В девять вечера они безболезненно разыграют цирк-шапито с подъездом «Форда». Соха, сейчас вокруг банка пятьдесят стрелков сидят на крышах. Отвечаю. А насчет квалификации ты прав. Пора делом заняться. У тебя найдется домкрат и труба длиной метра два?

– В квартире, что ли? – ужаснулся Соха.

– Зачем же в квартире? – Пастор поднялся на ноги. – У тебя гараж подземный. Как у настоящего барыги. Там, случайно, оптовой партии китайского барахла нет? Не приторговываешь часом, а, Соха, чтобы меня окончательно перед братвой запалить? От тебя уже всего можно ожидать!..

– Пастор, зачем ты меня так?.. Когда это я барыгой был? – Соха не на шутку обиделся, хотя и было видно, что он пытался это всячески скрыть – негоже перед вором нервничать. – А в подвале у меня трубы нет. Я же не водопроводчик.

– У тебя нет, а в соседних? В каком-нибудь обязательно есть.

– Я что, где живу, там и гадить буду?

– А ты не гадь. На место трубы сотку баксов положишь, и все образуется. Сосед после этого специально гараж закрывать не будет.

Глава 3

Барбекю на костерке, воздух, пропитанный озоном, и ленивый плеск волн под отвесной невысокой скалой. Что еще нужно, чтобы полностью восстановить силы после недельной пахоты? Судья Костин был благодарен другу детства прокурору Пащенко и даже чувствовал перед ним некоторую неловкость за то, что чуть было не отказался от предложения так вот провести уик-энд. Было на самом деле приятно и легко.

Впечатлений оказалось много, но делиться ими почему-то никто не хотел. В машинах ехали счастливые, отдохнувшие люди, и этого для чувства единения было вполне достаточно.

– Тебя где высадить, старик? – обратился к Антону Пащенко. – До дома доставить, или ты в магазин за чем-нибудь заскочишь?

Антону не хотелось сразу почувствовать резкий контраст между природой и надоевшей квартирой, поэтому он попросил Вадима остановиться в двух кварталах от дома.

– Ого! – удивился прокурор. – Это как бы не совсем рядом.

– А мне рядом и не нужно.

– Как скажешь. – Пащенко резко увел машину к обочине. – Завтра наш «рыбхоз» с «Динамо» играет. Пойдем?

«Рыбхозом» они называли местную футбольную команду «Океан». Своеобразное имечко, если учесть, что до ближайшего океана от города Смоленска три года скакать.

– Завтра созвонимся. Часов в десять утра.

Антон пропустил перед собой темно-серый «Паджеро», перешел через улицу и легко вскочил на железобетонный брус, обрамлявший тротуар на другой стороне дороги. Он прошагал еще около ста метров, миновал пятиэтажный дом с насквозь проржавевшей вывеской «Продукты» и полуразвалившимся от древности плакатом на крыше, призывавшем летать самолетами «Аэрофлота», и вышел на небольшую площадь. Через пять-семь минут ходьбы покажется его дом. Центр города. Торговые компании, крупные магазины, банки... Непонятно только, по чьему повелению здесь еще красуется этот ортодоксальный призыв хрущевской эпохи. «Летайте самолетами...» Чем же еще?

А что это за непонятные движения у банка в столь поздний час, да еще в выходной? Костин посмотрел на часы – без пяти минут девять.

У заднего входа, культурно именуемого запасным, приткнулся бежевый бронированный «Форд» с зеленой полосой. Справа и слева от него, словно конвой при выгрузке заключенных у входа в суд, расположились пятеро или шестеро спецов в камуфлированной форме с автоматами наперевес. Из чрева «Форда» выскочил человек в штатском с кейсом в руке и мгновенно исчез в банке. Дверцы машины захлопнулись, и люди с оружием застыли рядом в пассивном ожидании.

Заинтригованный Антон, повинувшись непонятно чему, замедлил шаг и изменил направление движения. Он мог пройти вдоль фасада банка, так было бы быстрее, но неизвестная сила направила его в сторону броневика. Антон решил обогнуть банк с тыла. Ничего особенного не происходило. Люди стояли у машины, кругом царил тишина.

Антон уже почти закончил обходить здание и вдруг остановился. За оградой соседнего дома, укрывшись за осиротевшими ветвями березы, стоял темно-серый джип «Паджеро». Костин готов был поклясться, что это тот самый внедорожник, который едва не сбил его на перекрестке. Тот же блестящий кенгурятник перед решеткой радиатора. Компакт-диск болтается на веревочке на зеркале заднего вида.

Но Антон по-настоящему заинтересовался вовсе не этим. Предметом его внезапно вспыхнувшего любопытства были двое мужчин, которые выглядывали из-за ограждения дома. На обоих – темные укороченные куртки, черные шапочки. В руке одного из них виднелась

небольшая сумка. Им обоим было лет по сорок. Может, чуть меньше. Они не просто выглядывали, а смотрели в сторону бронированного «Форда».

Может быть, на этом и закончилась бы эта история, если бы в этот момент мужчины заметили Антона, а он прошел бы мимо. Но они не видели его. Он шагнул в темноту, к изгороди, и оказался совсем рядом с этими людьми. Их разделяла только бетонная стена.

Зачем это нужно было Антону? Что двигало им в этот момент? В нем боролись следователь прокуратуры и судья, и первый из них победил, да? Нет, это вряд ли. Антон был слишком хорошим судьей для того, чтобы оставаться им вне зала заседаний. Поэтому здесь и сейчас в нем не было никакой борьбы, не оставалось ни капли от личности судьи. Его вел сейчас следователь прокуратуры, важняк, человек с острым чувством собственной, значит, и чужой опасности.

Между тем события развивались.

Какое-то время Костин стоял неподвижно, прямо как памятник, затем услышал шорох, а вслед за ним и голоса, доносившиеся с другой стороны стены. О чем говорили неизвестные, догадаться было невозможно. Треснула ветка. Значит, они двинулись с места.

Если бы стена была новой, то есть серой, то светлый костюм Антона в темноте сливался бы с ней так же надежно, как бумажный доллар с новогодней елкой. Но эта стена видела воочию еще приезд в Смоленск живого Брежнева, поэтому от старости, копоти и грязи улицы она приобрела землистый оттенок.

Чтобы не отсвечивать, не напоминать дыру в этой стене, Антон медленно присел на корточки. Он уже готов был поклясться в том, что идет элементарная подготовка к совершению преступления – разведка местности двумя неизвестными типами. Кто они такие и что им нужно? Вот два вопроса, которые на протяжении существования человечества тревожат чувство самосохранения тех, кто видит подозрительных людей.

Прошло еще мгновение, и две тени вышли из-за укрытия. Антон сориентировал взгляд на возможное направление их движения и не увидел впереди ничего, что могло бы заинтересовать внимание потенциальных преступников, если эти двое ими являлись. Да, совсем ничего, кроме... банка. Это обстоятельство вызвало у Антона такую растерянность, что он даже привстал. Ветка, больно давившая до этого на пятку, предательски хрюкнула, и мужчины остановились.

– Что там?

– Наверное, ветка, на которую ты, замороженный, наступил, распрямляется. Если она еще раз хрустнет, я тебе витрину разобью!

– Я-то здесь при чем?..

Костин за свою карьеру прокурорского работника и судьи слышал о том, что на свете пока еще есть грабители. Один раз ему даже пришлось осудить такого деятеля ножа и топора за попытку разжиться золотишком в ювелирном салоне. Но чтобы кто-то посягнул на банк – это было для него впервой. Сотрудники – да, те воруют с великим удовольствием. Но, черт побери, они же используют для этого компьютеры, а не крадутся к черному ходу под покровом ночной темноты. Нужно еще отметить тот факт, что в пятидесяти метрах занял оборону взвод автоматчиков. Если еще учесть, что один из этих вот «разведчиков» почему-то нес на плече двухметровую железную трубу, то это просто выходило за рамки понимания. Антон окончательно запутался.

Между тем два странных типа с трубой выждали момент, одним броском пересекли освещенную дорогу к банку и достигли двери. Она располагалась метрах в тридцати от той, где стояли печи, и была отделена от их взоров пристройкой, ведущей в подвал.

«Интересно, – думал Антон. – Это что, побег из дурдома? Если они сейчас начнут вскрывать дверь в здание, то сработает сигналка. В этом случае уже через полминуты их обоих будут жестоко бить этой трубой вдоль спин».

Двое мужчин словно услышали мысли федерального судьи, находящегося во внеслужебное время в засаде у банка. Они сместились влево и приблизились к двери в подвал. Тот, что был с сумкой, быстро расстегнул молнию и достал что-то похожее на женский маникюрный набор.

– Ну-ну... – пробормотал Костин. – Коллекция отмычек. Двое безмозглых воров-домушников решили стать медвежатниками. А что, ребята, дверь в подвал не на сигналке, да? Ухо-хочешься. Надо валить отсюда, пока не замели за стояние на шухере. А он сейчас начнется.

Он повернулся и с изумлением заметил, что тени вместе с трубой утонули в крошечной темноте подвала, а спецы у входа как ни в чем не бывало продолжали курить и поправлять на плечах бронежилеты. Костин застыл. По его подсчетам, в банке давно должна работать сирена, а на пульте высветиться квадрат, где произошло проникновение. Судя по всему, не было ни того, ни другого. Говоря полицейским языком, нет заявления, значит, нет и преступления. Выходит, никто и дергаться не будет.

Интересное кино! Костин усмехнулся, чуть отошел от джипа и продолжил наблюдение. Он закурил и твердо решил свистнуть спецам, как только двое «водопроводчиков» появятся на улице. В сейф они не залезут, это совершенно ясно. Но данные типы обязательно вынесут из банка то, что представляет для них, как и для будущих потерпевших, материальную ценность – компьютер, монитор, мало ли что...

Тут Антон одернул себя. Какие компьютеры и мониторы могут быть в подвале? На кой ляд этим деятелям ржавая труба? Собственно, вору ли это? Не хотелось бы облажаться перед полицейскими. Потом разговор не оберешься. Мол, какой бдительный судья – ночью дежурных водопроводчиков ЖЭУ задержал при помощи СОБРа!

Он сидел уже около двадцати минут, дав себе слово досмотреть этот шизофренический спектакль до конца. Спецы устали, привалились к «Форду», уснувшему на свежем воздухе, а из банка по-прежнему никто не выходил.

Окурок второй сигареты нарисовал в темноте параболу, ударился о ветку березы и рассыпался на десятки искр.

«Отличная конспирация! – похвалил себя Костин. – Впрочем, от кого я тут шифруюсь?»

И тут его словно ударило током!..

Сигнализация!.. Да откуда она сейчас возьмется, если...

Черт!..

Он догадался слишком поздно. Его мысли сбили те самые мнимые водопроводчики, показавшиеся из двери подвала. При них не было больше трубы. На плече одного по-прежнему болталась сумка, и они стремглав неслись к джипу.

Нужно было срочно принимать решение.

Антон вышел из темноты на дорогу и громко свистнул парням из СОБРа. Те вяло повернулись и, словно каменные головы с острова Пасхи, уставились на Костина.

– Бегом ко мне! – крикнул Антон, понимая, что это его последние слова.

Теперь вопить было уже некогда, потому что «водопроводчики», неразлучные в ночи, находились в метре от него.

Под первый удар Антон успел подсесть. Он даже среагировал на него, угодил локтем в брюшину парню, бежавшему первым. На плече у этого субъекта болталась сумка, поэтому атака не получилась. Он на полном ходу напоролся на локоть Костина, глухо выдохнул, словно подавился кашлем, и по инерции покатился к джипу. Ремень оборвался, и сумка улетела за спину Антона, который этого не увидел.

А вот с ударом второго злодея судья не справился. У него случился конфуз. Едва он успел сгруппироваться, как в голове раздался такой звон, будто ударили в Царь-колокол в тот момент, когда судья зашел туда. Из его глаз посыпались искры. Антон уже не ощущал себя в пространстве. Лишь по боли в пояснице и затылке он понял, что опрокинут навзничь. Костин

пытался продраться сквозь множество фиолетовых, малиновых, бирюзовых и алых штор. Он даже помогал себе руками, но никак не мог добраться до момента восприятия действительности.

Он не помнил, как отъезжала машина, едва не ударив его крылом, как к месту происшествия подбежали собровцы. Антон пытался встать, но локоть постоянно съезжал куда-то в сторону, и он плюхался лицом в землю.

Он снова пробовал подняться и опять падал. В боксе это называется нокаут. После такого случая спортсмену запрещают месяц работать на ринге, а человеку обычному – вставать с постели.

Глава 4

– Где бабки, идиот?! – прокричал Пастор.

Соха забился в дальний угол на переднем сиденье и завопил:

– Пастор, гадом буду, эта падла с плеча сорвала!

– Убью скота! – Пастор одной рукой вел джип, летящий на бешеной скорости, а второй, правой, что есть силы молотил Соху куда попало. – Прикончу!

Он устал и зарычал, захлебываясь собственным бешенством. Вор походил на раненого волка.

– Общак был у меня в руках!

– Пастор! – заорал Соха, которого внезапно охватила ярость. – Давай вернемся и всех на хер перестреляем! – Он выдернул из-за пояса «вальтер». – Там ведь наш общак!

Пастор не был бы самим собой, если бы именно в такую минуту его мозг не начал работать как компьютер. В минуты опасности или неудач, в отличие от большинства людей, им овладевало не отчаяние, а трезвый расчет. Он уводил машину подальше от банка, выбирал самые темные дороги. Сейчас главным было уйти и потеряться. Один раз общак уже побывал в его руках. Значит, так случится и во второй. Не все потеряно. Дело еще только начинается.

А как все грамотно они задумали!

Основным условием было обязательное присутствие в банке ментов. Они ждут нападения. Несколько человек будут обязательно стоять у входа. Ведь у них тоже есть обязательное условие – отсвечивать, всем своим видом показывать, что общак здесь, раз они стоят и охраняют банк. Соха даже засмеялся от радости, когда увидел у дверей банка людей из СОБРа.

– Смотри-ка, Пастор! Мусора в цирк играют! Дятлы красноголовые. А внутри, наверное...

– Там батальон внутренних войск с рыболовными сетями, – перебил его Пастор. – Ты уверен, что труба выдержит?

– А куда она денется?

– А куда ты денешься, если она не выдержит? Смотри, я тебя предупреждал. Там еще одна была!.. – Пастор сознательно подводил Соху под косяк.

Если что-то не получится технически, и в этом будет виновата длина или прочность трубы, то крайним станет Соха. Тот это понимал, но с патроном спорить не будешь.

Не обладая никакими специальными техническими навыками, основываясь лишь на бытовом восприятии реальности, можно рассуждать таким образом: раз общак в банке, и вора вынуждают совершить налет, значит, все заведение переполнено спецназом. Куда они могут деть деньги? Занести в какое-нибудь дальнее помещение.

В том, что деньги в банке, Пастор не сомневался. Менты боятся утечки информации точно так же, как и он. Они все ставят на кон. Значит, стоит ли им рисковать, то бишь не брать с собой деньги? А если кто-нибудь возьмет да настучит Пастору, что общак остался в оперативно-розыскной части? Нет, деньги именно в банке. Менты ждут налета, но не кражи.

В чем сила банка? Не в его фуфловой охране, а в сигнализации, сложной, многоступенчатой, хитроумной системе защиты от тайного проникновения. Поэтому банк можно взять на гоп-стоп, но никак не украсть что-то из него, забравшись с улицы! А когда есть шанс вынести оттуда деньги? Естественно, если сигнализация не работает. А она и не включалась. В банке находятся люди, целая толпа вооруженных парней из СОБРа! При таком раскладе никак нельзя выключать систему защиты! Но как тогда украсть? Через двери – глупо. Через парадный вход зайти? Не катит. Соха обязательно что-нибудь ляпнет мусорам, и те догадаются, что банк навестили бандиты. Смешно.

Обычно в такие заведения воры проникают через крышу. Но только не Пастор. Он делает это по-другому.

Соха укрепил на бетонном полу подвала домкрат, поставил на него трубу и облегченно вздохнул. Эта штуковина была нужной длины. Теперь требовалось, чтобы она выдержала силу сжатия и не прогнулась.

– Ставь трубу рядом с колонной, помощник, твою мать!.. – вполголоса заявил ему Пастор. – Тогда только кусок отломится! Какого хрена ты посреди комнаты ее воткнул? Хочешь, чтобы нас сверху сейфами засыпало?

Некоторое время Соха качал ручку вхолостую, поднимая трубу до потолка.

Когда та уперлась в него, и на голову жулика посыпались первые крошки известки, он остановился, вытер со лба пот и спросил:

– Слушай, Пастор, а если они сейчас над трубой?..

Вот это было бы уже не очень-то смешно. Понос одним и камера в СИЗО другим были бы обеспечены одновременно.

– Не бойся. Ты был хоть раз в этом банке?

– Нет, – сознался Соха. – Разве я клерк?

– Баран ты, а не клерк. Своих партнеров знать нужно в лицо. Это комната для переодевания персонала. Самое главное, чтобы они не слышали звук подлома. И это... Хочешь совет?

– Ну...

– Так хочешь или нет?

– Ну...

– Не хочешь, как хочешь. – Пастор отошел подальше и спокойно приказал: – Качай.

– Нет, ты скажи – что за совет?! – зашипел Соха.

– Точно хочешь? Ну, ладно. Когда услышишь треск – хавальником не шелкай и витрину вверх не задирай. Бросай все ручки-трубы и вали в сторону. Я один раз так влип, что две недели с кровати не вставал.

Соха побелел и осведомился:

– Ты мне и сейчас не сказал бы, если бы я не настоял?

– Мне тот вор тоже не сказал. Качай! Или у тебя времени до хера?! – Пастор перешел на свистящий шепот. – Может, тур вальса по подвалу зарядим?..

Через десять минут, за которые помощник вора едва не надорвал живот, раздался оглушительный грохот. Соха как заяц отскочил в сторону.

Сперва на пол подвала рухнули обломки бетона, компьютер и вентилятор. Следом за ними словно чайки стали спускаться листы бумаги. Отчеты-балансы-дебет-кредит.

Стоя посреди столба пыли, Пастор прошептал:

– А вот сейчас молись, чтобы менты этого землетрясения не услышали.

Честно говоря, Пастор верил во все, но только не в то, что этот грохот останется без внимания сотрудников полиции. Поэтому, в отличие от Сохи, он уже готовился отправляться в тюрьму. На это сумасшествие его толкала только безысходность. Ему не было жаль ни себя, ни Сохи. Этот бродяга сам выбрал свою дорогу, поэтому пусть не обижается. Пастор не боялся ничего и был готов переступить через любое препятствие, даже через труп. Вору нужно было вернуть общак.

К его приятному удивлению, истекли контрольные пять минут, которые он отвел для полицейских на поиски источника шума, но ни самих копов, ни каких-то подозрительных перемещений замечено не было.

– Давай, Пастор, я залезу и...

– Сидеть, бродяга! – грубо оборвал его вор. – Не по масти базаришь.

Дальше время для Пастора полетело так же стремительно, как карусели в луна-парке. Комната, коридор, еще одно помещение, стол, на котором стоит... да, кейс Сома! Пастор

почувствовал, как у него пересохла губы. Он один раз пережил сердечный приступ, и тогда с ним было то же самое.

Как сохнут губы!..

– Только не сейчас, – просил Пастор Всевышнего, открывая кейс.

Если там вместо аккуратных пачек долларов окажутся газеты или недопитая ментами бутылка водки – вот тогда, наверное, его и хватит удар. Потом можно. Но только не сейчас!..

Замки поддались и отскочили назад. Пастор медленно, как в полусне, раскрыл чемоданчик и убедился в том, что в нем лежали упаковки валюты.

– Идиоты, – обратился он к тем, кто принес сюда его общак. – Бензин решили экономить, чтобы во второй раз сюда с бабками не мотаться?

Он скинул кейс в руки Сохи и стал спускаться в пролом, постепенно сползая по его краю. Пока Пастор так вот аккуратно переползал, подельник успел вытряхнуть деньги в сумку и закинуть ее за плечо.

Пастор прыгнул на пол подвала в тот момент, когда Соха закончил протирать кейс тряпкой. Незачем дарить ментам отпечатки своих пальцев.

Через мгновение они, подгоняемые адреналином, бурлящим в крови, бежали к джипу.

Несмотря на то, что Антон с детства отличался отменным здоровьем и привык с малолетства выяснять отношения на кулаках, последний бой с неизвестным противником не прошел для него бесследно. Во всяком случае, первые полчаса, пока он пытался настроиться на разговор с сотрудниками полиции. Для того чтобы понять, что произошло, тем понадобилось ровно две минуты. Самым оскорбляющим их достоинство образом из охраняемого помещения муниципального банка кто-то выкрал воровской общак. Не просто деньги, а те самые, которые играли роль приманки. Вокруг них находилось около тридцати вооруженных людей.

Полицейские чины среднего уровня, руководившие операцией по «расформированию организованной преступной группировки», не отходили от невольного участника этого дела, но и от телефонов тоже не отрывались. До Антона сквозь шум в голове доносились до боли знакомые команды «объявить «Перехват», «направить людей в указанные адреса» и многие другие. Те самые, которые отдаются, когда из погон не по твоей воле, но прямо на глазах начинают выпадать звездочки, отнюдь не лишние. Антон сквозь туман слушал распоряжения участников задержания вора в законе, которые должны были быть отданы еще вчера.

В активе полицейских был ноль, в пассиве – пол, проломленный в банке, финансовые средства, добытые преступным путем, а потом украденные из-под носа у бдительных охранников, и слегка побитый служитель правосудия. Вот сейчас они и пытались выяснить у федерального судьи, кому он преграждал дорогу, как выглядели скрывшиеся типы и номер машины. Сомнений в том, что это и есть те ухари, в результате действий которых возможны нежелательные перемещения в организационно-штатной структуре УВД города, у стражей порядка не было.

– Антон Павлович, вы номер машины не помните? – почти умолял Костина руководитель операции по «расформированию» банды Пастора.

– Конечно, помню. – Антон поморщился. – Двести двадцать три, АКВ. Андрей – Константин – Виктор. Бежевый «Паджеро». Сзади, на колесе, голова тигра.

Майор поморщился, как от зубной боли. Теперь он слышал не только шорох звезды, покидающей свое место, но и треск ниток на погонах.

Человек, стоявший рядом, судя по всему – его коллега, вздохнул и посмотрел на майора так, как начальник на подчиненного.

– Неплохо вы все продумали, Игорь Львович, – заявил он. – Главное, люди были грамотно расставлены. Ни одного человека возле чемодана с деньгами. Как можно было не услышать звук рушащегося пола? У вас музыка громко играла?

Картина вокруг напоминала пикник на лужайке после отлета звена отбомбивших бомбардировщиков. Под поднятой задней дверью медицинского «рафика» сидел Костин. Молоденькая докторша держала на его голове резиновую подушку со льдом. Вокруг стояли нервный и расстроенный майор, его спокойный начальник и несколько человек в штатском. Чуть поодаль, напоминая своей суетой броуновское движение, перемещались ребята из СОБРа. Внутри обесчещенного банка работала оперативно-следственная группа, члены которой пытались понять маршрут движения преступников внутри заведения. Объектом их пристального осмотра был пролом в полу одного из кабинетов.

– Вы знаете, у нас очень мощная звукоизоляция, – обратился к начальнику управляющий банка, пытаясь хоть немного загладить вину майора.

Ответа он не получил и ретировался, вполголоса бормоча проклятья в адрес каких-то бестолковых работников.

Костин в очередной раз наморщил лоб и заявил:

– Хватит орать, Земцов. Какой дурак придумал этот киношный вариант? Вы что, все до единого больные? На самом деле ждали, что на вас бандитские танки попрут? А тылы-то вы почему открыли? – Костин попробовал усмехнуться, но у него не получилось. – Где был ваш арьергард? В авангарде, на передовой? Да-а...

Антон сначала не понял, из-за чего сыр-бор, когда до него донеслись крики: «Где общак?!» и «Может, они под завалом?» Но чуть позже он увидел взвод вооруженных людей, высыпающих из банка, услышал разговоры оперов по телефонам и догадался о сути дела. Какая-то неведомая сила заставила его пройти мимо банка в тот момент, когда внутри него и рядом проводилась спецоперация. В нее из-за своей природной любознательности был втянут и он.

Результат налицо. Преступники похитили из охраняемого банка воровской общак, изъятый у них накануне, и скрылись, помахав всем ручкой. Последнее на себе в полном смысле испытал Антон. Но если бы не он, то сейчас руководители спецоперации вообще ничего не знали бы о похитителях. А теперь, после того как Антон назвал номер машины, стало ясно, что участником кражи являлся главный объект затеянного дела – вор с погонялом Пастор, которого сопровождал поделщик. Возможен был и вариант, что кражу совершал кто-то другой, но на машине Пастора. В любом случае, кто бы ни нес трубу, действовал он по плану и следовал указаниям Пастора.

– Было ли что-нибудь у них в руках, Антон Павлович? – в который раз спрашивал майор. И в который раз Антон отвечал:

– В руках – нет, но на плече у одного из них висела сумка.

Но самое забавное было в том, как люди из СОБРа познакомились с Костиным. Когда затих визг протекторов джипа, спецы наконец догадались, что на улице происходит не просто что-то неладное, но и не запланированное в их мероприятии. Они подбежали к тому месту, с которого несколько секунд назад кто-то кричал им: «Бегом ко мне!», и склонились над Антоном, безуспешно пытавшимся встать.

– Мужик, ты кто? – спросил один из них.

– Молодец, – отреагировал Костин, уже пришедший в чувство. – Сначала отвечаешь на свой вопрос, а потом – спрашиваешь. Старшего давай сюда, нелогичный ты мой.

Вечер вот-вот обещал перейти в ночь. Работа в банке кипела, хотя бурлить-то ничему особому уже не приходилось. Весь пар вышел оттуда вместе с Пастором и Сохой. Энтузиазму майора не было предела, но докторша врач рекомендовала Антону отправляться домой. Он отказался от услуг «Скорой помощи» в качестве такси и решил продолжить путь восвояси в пешем порядке.

Напоследок Земцов, начальник отдела оперативно-розыскной части, попросил, по мере возможности, подойти завтра к нему в кабинет. Именно попросил, прекрасно зная, с кем раз-

говаривает. Он надеялся, что Антон соизволит оформить свои показания письменно. Майор же был прост и наивен. Он прямо стал требовать от Костина, чтобы тот написал заявление о нападении неизвестных. Послушай его Антон – и по всем законам он обязан будет давать письменные показания и ходить на допросы к следователю. А где побои Костина, там и кража общака. Дела объединяются. Сейчас Антон, пользуясь своей независимостью и неприкосновенностью судьи, мог просто отправиться домой, а завтра выйти на работу, забыв о происшествии.

– Знаешь что, дорогой, – посоветовал он майору. – Напиши-ка лучше ты заявление в полицию, как у тебя воровской общак украли. Ты же за него отвечал? – А Земцову сказал: – Разбирайся ты сам в этой бодяге, Саша. Я просто по балде получил, когда стал свидетелем бегства от банка двух мужиков. Это все.

Он встал с подножки багажного отделения «рафика», от чего тот покачнулся как калека, и пошел домой. По пути его остановил полицейский патруль. Ребята изучили удостоверение, разглядели четкую подпись президента страны и извинились. Они непонятно зачем сообщили Костину о том, что сейчас по всему городу объявлена операция «перехват», сели в машину и уехали. Всю дорогу, пока Антон добирался до дома, мимо него, сверкая проблесковыми маячками, проносились автомобили.

Объектом розыска был тот самый джип бежевого цвета с государственным номером «А223КВ». В данный момент автомобиль находился на платной коммерческой автостоянке, и Соха уже заканчивал привинчивать к нему номера «Тойоты», которую братва Пастора отmelda за долги у армянина, владельца сети овощных магазинов.

Ни Костин, ни Пастор с Сохой не разглядели друг друга в темноте у банка, именно поэтому они молча разошлись на освещенном узком тротуаре, коснувшись друг друга плечами. Это произошло у самого дома Антона.

Существует множество причин, по которым прозвища прилипают к людям. Какой бы глупый характер они ни носили, эти клички являются неизменной визитной карточкой тех, кого ими наделили. На воле, как правило, прозвище является производным от фамилии либо определяющим род деятельности. Иногда оно дается по внешним данным. В местах лишения свободы прозвище чаще всего отражает характер, самую суть своего хозяина. Если на воле человек с фамилией Крысов практически обречен, то на зоне вольнодумец, решивший сократить ее для более удобного произношения, может ответить за свои лингвистические способности. Для этого Крысову просто нужно быть вхожим в блатной мир и жить по понятиям. Зона – не воля, там все гораздо сложнее.

С бомжом Востриковым все развивалось по стезе, определенной в жизни для многих. С детства он получил прозвище Дохлый за убогие физические данные. Есть этот субъект хотел всегда, независимо от того, когда принимал пищу в последний раз. Голод мучил его и перед обедом в знакомой с детства лесополосе, и после. Он терзал его даже тогда, когда он, уже не в силах есть похищенные соленые помидоры с хлебом, найденным на помойке, вставал с листвы и отряхивался. Востриков съедал в два, а то и в три раза больше, чем бродяги, бичующие по соседству, но никак не мог насытиться. Голодная травма детства горела во взрослом человеке с неистовой силой. Кражами он занимался исключительно для того, чтобы на выручку приобрести съестных припасов. Лучше бывало, если в качестве предмета кражи выступали они сами.

Востриков приподнял крышку люка, вполголоса матерясь и покряхтывая. Гастрит порождает изжогу, а она – ругань. Он спустился вниз. До воды оставалось еще далеко, срез люка – в метре над головой. Таков был общероссийский стандарт жилого помещения Вострикова и иже с ним. Потерев руки, он, долго не раздумывая, принялся разворачивать рыбу. Крышку бомж решил не закрывать, так как ночь предстояла, судя по верным приметам, теплая.

Вдруг Дохлый заволновался. Над его головой проехала машина. Ему стало понятно, что место для ночлега он выбрал не самое удачное, прямо посреди дороги. А кто разберет в тем-

ноте, – где проезжая часть, а где – глубина двора?! Тем более что бутылки, позвякивая, торопили его, а запах рыбы, струящийся из сумки, волновал. Разве тут сразу сориентируешься?

Однажды Дохлый в подобной же ситуации, но поутру, едва не оставил свою фотокарточку на бампере «Газели», проезжавшей мимо, поэтому в его душу забралась тревога. Но он поразмыслил, решил, что лучшего места все равно сейчас уже не найти, и смирился с положением.

«Просто после ужина нужно закрыть крышку, иначе ночью...» – Дохлый решил не думать, что будет в этом случае.

Он напрочь выключился от всех процессов, происходящих вне колодца. Этому помогал шум воды, бурлящей внизу. Его волновали лишь три бутылки пива и рыбина, лежащая на коленях.

Спустя полчаса, когда с горбушей было покончено, а пиво еще оставалось, на его голову что-то рухнуло. От неожиданности и ужаса Дохлый хрюкнул как боров, выронил бутылку и обмяк. Он уже видел себя в доме инвалидов, сосущего через соломинку жидкую манную кашу, в гипсе и на утке. Но, к его изумлению, время шло, а боль не наступала. Еще через мгновение бродяга понял, что на его голове лежит не колесо машины, а что-то еще. Он пошевелился, и вниз, на колени сползла какая-то сумка.

Она лежала перед ним, черная в темноте, с оборванным плечевым ремнем.

«Сейчас ее будут искать, найдут меня, избыют или прикончат».

Оракул Востриков сидел в колодце, отсвечивая мертвой белизной лица. Его охватил страх. Еще через минуту, когда он услышал неподалеку возбужденные голоса, Дохлый решился на страшный риск. Он высунулся из колодца, осторожно подтянул к себе крышку и, действуя руками и головой, поставил ее на место. Два часа бомж сидел, слушая самого себя и шум воды.

Когда он решился открыть сумку, то ожидал увидеть там все, что угодно. Лучшим подарком в так хорошо начавшийся день для него была бы бутылка водки и что-нибудь поесть. Дохлый потянул молнию и распахнул сумку.

Глава 5

Пастор сидел в магазине, глубоко утонув в кресле. Час назад Соха нашел торговца мягкой мебелью на его квартире, поднял с постели и заставил снять магазин с охраны. Скрываться Пастору было больше негде. На любой из квартир своих людей его могла ждать засада. А магазин – объект неприметный. Вряд ли какой ненормальный будет его искать здесь.

– Даю направления работы. – Пастор потер кулак, ушибленный при прорыве к джипу, и поморщился. – Первое. Узнать через своих, вернулся ли к мусорам общак. Второе. Проверить все поликлиники района, где находится муниципальный банк, на предмет обращения лохов с внезапно заболевшей головой. Особенно больницы, где обслуживаются менты. У них в городе свои лепилы. Третье. Пока темно, дожидаться отъезда от банка мусоров и прошмонать всю округу. Кто-то что-то все равно, мне кажется, должен был видеть или слышать. Все.

Братки с уважением посмотрели на мощную фигуру Пастора, понимающе промолчали и вышли. Этот парень мог в один момент сделать человека состоятельным, почитаемым в блажном мире, но сумел бы в одну секунду решить его жизнь в обратную сторону. Пастор – не Фермер или Тимур. Он не сделает западло, если ты этого не заслуживаешь. Этот вор не просто так думает, что он справедливый человек. На этих простых, на первый взгляд, постулатах и держался незыблемый авторитет Пастора.

Вор дождался, когда за братками, покинувшими магазин, закроется дверь, и Соха, выходящий на минутку вместе с ними, защелкнет на ней замок, а потом поинтересовался:

– Ты точно не запомнил этого лоха?

– Пастор, ты что меня как замороженного пытаешь? Я же уже говорил – темно было! Ты же сам там был! Ты его запомнил? Между прочим, ты ему в бубен ударил, а не я.

– Да, я его бил. А он – тебя! И сумку этот тип не у меня вырвал!

– Что, опять, в натуре, все сначала начинается? – возмутился Соха. – Ну, не отдал же я ее, в самом-то деле! Я что, специально ремень порвал да сумку ему кинул? Застрели меня, может, полегчает!

– Голос убери, – посоветовал Пастор, чувствуя, что Соха прав и все претензии к нему – безосновательны.

Нужно было самому сумку держать. В конце концов, за общак ответственность несет он сам, а не Соха. Случись сейчас разборки – крайним оказался бы именно Пастор.

– А то моду взяли голос повышать. Трубадуры хреновы!..

Соха прекрасно понимал, что Пастор ершится попусту, по привычке, поэтому, не желая для себя губительных последствий, промолчал. Открой он сейчас рот – с ним будет то же, что и с тем лохом.

Вдруг Соху осенило, и он спросил:

– Пастор, а ты его, того... не замочил?

– Заткнись ты! – оборвал его вор. – Мой прямой левый неприятен, но не настолько. Делом лучше займись.

Внезапно раздалась трель сотового телефона Пастора. Соха видел, как резко среагировал на звонок босс. От его внимания не ускользнуло и то, какое пренебрежение застыло на лице вора, когда тот понял, с кем разговаривает.

– Как сажа бела. Подшиваются... А ты за меня не волнуйся, свою честь береги. Это не вы мне время дали. Я сам себе его отмерил. За все в оконцовке отвечу. Не надо, ты со мной так не разговаривай. Я сейчас не в том состоянии, чтобы это слушать. Могу и нехорошего много наговорить. За что? А за твой бизнес с китайцами. Может, ты уже в триаду вступил? Нет? А мне по хрену, что ты говоришь. Не вижу нужды раньше двадцать первого числа с тобой разговаривать. Даже по телефону.

Пастор отключил связь и с размаху бросил мобильник через весь зал. Мягкой мебели в торговом заведении стояло так много, что телефон пролетел с десятков метров и раз пять подпрыгивал то на флоке, то на велюре, то на коже. Он так и не упал на пол, остался лежать на одном из предметов гостиного гарнитура. Соха вздохнул, некоторое время сидел, закинув ногу на ногу, потом вздохнул и, не включая свет, отправился на поиски аппарата.

– Вольну еще метни, бумажник, цепьними и тоже зашвырни ее подальше. На фи́га она нужна? – недовольно бормотал он, шагая по мебели прямо в ботинках и разыскивая телефон.

– Слушай меня, Соха. Если рассуждать так, как ты с банком, то давай обратим внимание на то, что сейчас суббота, во-первых, и ночь, во-вторых. Зачем же проверять поликлиники? Они ведь не работают. Больной с разбитой головой куда пойдет?

– В ближайший травмпункт. Пастор, ты не обижайся, но я, после того как братва вышла, дал им команду проверять не поликлиники, а травмпункты и приемные отделения больниц.

– Вот сука самодеятельная?! – без злобы воскликнул Пастор. – А где в том районе ближайший к банку травмпункт?

– Сразу за углом. Мне там по малолетке голову зашивали.

– Когда зашили, ничего в ней не оставили? – Пастор уже встал и проверял магазин в «Беретте».

Глядя на эти манипуляции, Соха взмолился:

– Пастор, ну зачем тебе-то туда идти?! Пацаны все пробацают как надо и доложат!

– Почему мне? Нам. Оставь Со́ню, пусть он это заведение покараулит, а мы с тобой уже идем. Кстати, заведи у Со́ни ключи от «Тойоты».

Докторша была права. Минутное хорошее самочувствие – это после льда. От ходьбы состояние ухудшается, начинает ныть правый глаз и болеть голова. Нужна консультация. И только.

Антон встал с постели и начал одеваться. К черту это пожелание «врача на дом»! У них там и без него дел хватает – ножевые, сердечные, роженицы. А он, здоровый мужик, будет врача к себе вызывать?! Антон вышел из дома и, потирая ушибленный висок, зашагал в сторону травмпункта.

У судьи сложилось такое впечатление, словно там ждали именно его. Дежурный хирург вышел из тамбура и хотел выбросить окурок в уличную мусорную урну.

Открыв дверь, он столкнулся лицом к лицу с Костиным, который проговорил:

– Добрый вечер!

– Проходите, пожалуйста. – Врач пропустил Антона и метнул окурок в урну. – Что у вас?

Докторша со «Скорой» правильно поставила предварительный диагноз. Ничего серьезного. Врач обещал, что сие повреждение заживет до свадьбы, рекомендовал пирроцетам, пиркофен и новопассит и сделал запись в журнале. После этого Антон снова вышел на прохладный воздух.

До ближайшей аптеки – сто метров. Почесав затылок, Костин подумал, опустил рецепт в карман и направился к ближайшему ночному магазину. Чекушка коньяка «Дербент» – вот что ему сейчас было нужно для того, чтобы успокоиться, снять головную боль и обдумать все произошедшее. В том, что этот случай уже не даст ему покоя, Антон был уверен.

Полиэтиленовый пакет, а за ним и холодильник пополнились не только коньяком, но и одним лимоном, двухсотграммовым кусочком карбонада, банкой шпрот, булкой хлеба и литровой бутылкой «Спрайта». «Кэмела» в магазине не оказалось, поэтому Антон купил две пачки в киоске, рядом с домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.